

УЧЕБНАЯ КНИГА
ЛУГАНСК

Сказки бабушки Талины

Репкина Талина Викторовна

ПРЕКРАСНАЯ РОДИНА
КАЧИМА,
ПЕРЕКЯТИ-ПОЛЕ

Сказки дедушки Талины

Репкина Талина Викторовна

ПРЕКРАСНАЯ РОДИНА КАЧИМА ПЕРЕКТИ-ПОЛЕ

*(Сказка для детей младшего
школьного возраста)*

Луганск
2012

ББК 84-445

Р 41

Р 41

Репкина Г.В. **Прекрасная родина Качима, перека-
ти-поле.** — *Сказка для детей младшего школьного возраста.* /
Г.В. Репкина. — Луганск: СПД Резников В.С., 2012. — 60 с. —
стр. 9 ил. — (Сказки бабушки Галины).

ISBN 978-617-509-220-0

Вырос Качим, перека-ти-поле, среди замечательных растений любящей их огромной Степи, не подозревая, что есть иной мир. Когда же осенью ветер сорвал его с места, Качим восторженно полетел в дальние края. Однако там быстро понял, что ни красота этих мест, ни новые друзья не заменят ему Степь. Возвращение стало его единственно важным желанием. Преодолев немалые трудности, он находит тех, кто ему поможет в этом. Новое путешествие завершается радостной встречей Качима со своей прекрасной родиной.

Сказка адресована детям младшего школьного возраста.

ББК 84-445

© Репкина Г.В., 2012

ISBN 978-617-509-220-0

© СПД Резников В.С., 2012

1. ЖИЛА-БЫЛА СТЕПЬ

Жила-была Степь. Широко раскинулась она по земле. С одной стороны ее огибала многоводная Река, с другой стороны стеной стояли Горы, а ее остальная часть почти вплотную приближалась к Морю. Жила Степь с соседями, нельзя сказать, что в дружбе, но мирилась со всеми неудобствами. Была она добра и приветлива, потому старалась из всех неприятностей, которые вольно или невольно приносили ей соседи, извлекать пользу.

Река доставляла большие хлопоты весной. Начнется таяние льда, сковавшего ее воды зимой, она уже ждет, скоро одолеют ее заботы. Пока лед трещит и раскалывается на льдины, это ей ничем не мешает. Но вот из-под снежных сугробов по берегам Реки появляются сначала тоненькие, а потом широкие и бурные ручьи, тут и начинаются беды. Вода заливает прилегающие к Реке поля, собирает вокруг всех кустов и высохших высоких трав мусор. Это очень раздражает Степь: не любит она такого беспорядка. Немало труда уйдет на очистку берегов. С беспокойством следит, как потоки воды вырывает с корнями и кусты и уносит их вдаль, сбрасывая потом в бурную Реку. Жаль кустов, столько лет они росли в Степи, радуя глаз всех, кто ходил, ехал и летал на ее просторах. Гордилась Степь своими красавцами.

Однако, если говорить честно, эти весенние паводки не только беду приносили. Земля на много верст вокруг пропитывалась живительной влагой, и по мере

Жила-была Степь. Широко раскинулась она по земле.

того, как вода уходила, начинался бурный рост трав. Ах, сколько радости они доставляли Степи нежными листиками, веселыми цветочками! Мало этого, но ведь над разноцветным травяным ковром затевали весенние игры птицы и насекомые. В зарослях густой травы прятали гнезда, из которых вскоре разносилось щебетать желторотые птенцы, доставляя радость Степи.

В такие дни меж Рекой и Степью нередко возникали споры. Река, конечно, гордилась своим могуществом и любила прихвастнуть тем, что наполняет влагой степные земли, которые ей должны быть благодарны и за зеленые травы, и за скрывающихся в них птиц и насекомых. А еще, похваляясь Река стаями рыб, которым она давала жизнь. Не спорила с ней Степь, над наивностью Реки посмеивалась. Невдомек той, какая бурная жизнь наполняет степные просторы, ничуть не меньше, чем в речных водах. Самое смешное для Степи было в том, что Река, хвастаясь рыбным богатством, не учитывает, что кормится ее население тем, что в период разлива попадает в ее бурлящие воды с поверхности Степи. Вот и получается, что река со Степью нужны друг другу. Они это на самом деле понимали, а спорили и хвастались, пожалуй, для развлечения.

Сложнее складывались отношения Степи с Горами. Посмотришь на них, сразу и не догадаешься, чем они могут помешать Степи. Стоят стеной, вроде просто ее от другого мира отгораживают. Так-то оно так, да на самом деле бед от них немало. Иногда в Горах случалось землетрясение, а от него в Степи появлялись трещины, в которых погибали степные растения и живущие в траве существа. И это не все. С Гор камни сы-

пались на степную окраину, засоряли ее. Но и это беда не беда. Хуже всего было то, что Горы расхвастались перед людьми своими богатствами, скрытыми в подземных глубинах. Стали люди искать эти богатства, для чего строили рядом с Горами на степной территории свои дома, прокладывали дороги. Неправильный ущерб это приносило степным жителям. Страдала, в первую очередь, растительность на предгорных землях, а с нею плохо приходилось и насекомым, и птицам, и зверькам, которые раньше привольно жили в норках по всей территории. Из-за этого не раз возникали меж Горами и Степью горячие споры. Горы утверждали, что они на земле важнее Степи, хвастались своими сокровищами, а она их упрекала за то, что людям их показывают. Горячо уверяла Горы, что от людей беда приходит не только к ней, но и Горам худо, — рушат их без ума и осмотрительности. Короче говоря, не было дружбы у Степи с Горами. И в самом деле, какой дружбе говорить, если и не придумаешь, какую пользу они могли бы принести друг другу.

Еще хуже складывались отношения Степи с Морем. Оно было для нее настоящим бедствием. Вода его соленая, для степных растений непригодная. Одно это уже мешало дружбе. Однако горе пришло по другой причине. Вокруг Моря жила песчаная полоса, или, как ее называли, Пустыня. Не очень широкая полоса, но коварная: постоянно стремилась занять соседние территории. Подбираются пески незаметно, а потом, — глянь, а травы-то уже и не растут. Дуют ветры со стороны Моря, песок в воздух поднимают и уносят все дальше и дальше в Степь. Какая уж тут дружба может

быть? Ничего полезного для себя Степь в этом соседстве не находит, да и она-то Морю никакой службы сослужить не может. Разве только то, что по ней течет Река, и ее воды питают Море. Но Степь этого не ценила, потому что не понимала, как прекрасные воды реки становятся горько-солеными в Море.

В этой тайной войне Степь получила неожиданно помощь от люди. Пришли в Степь знатоки и посадили большие полосы лесных деревьев и кустов на пути сухих ветров, несущих от Моря песок. Тут уж Степь не растерялась: подсказала своим травам, где им надо семена разбрасывать. Немного прошло лет, и заколосились в тех краях высокие травы. Вернулись ящерицы, тушканчики, суслики, снова появились птичьи гнезда.

Вот в этих-то краях и произошли те события, о которых сейчас и расскажу.

2. БРАТЯ ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Среди травы-муравы и весенних красавцев-тюльпанов росло несколько травянистых растений. Каждому было, чем гордиться. Кермек раньше приятелей обзавелся цветами. Были они не крупные, зато отличались среди всех редким фиолетовым оттенком, и этим Кермек очень гордился. Качим прославился нежными веточками, которые были густо усыпаны зелеными листьями. Это убранство издали привлекало внимание всех, кто оказывался на этом краю Степи. Но, как бы ни были заметны Кермек и Качим, соревно-

ваться в красоте с Синеголовником они не решались бы никогда.. У него среди достаточно толстых веток очень рано появились шишечки, усыпанные длинными колючками. Особое восхищение у его товарищей вызывало то, что эти шишки быстро увеличивались в размере, а вокруг них на всех ветках появились длинные острые колючки.

Степь с гордостью следила за тремя товарищами и только посмеивалась над их спорами, кто красивее. Она прекрасно знала, что впереди их ждут удивительные события, о которых никто из них не догадывается. Она ждала момента, когда жаркое летнее солнце высушит и их цветы, и их листья, затвердеют веточки. Все трое свернутся в круглые шары, которые под напором осеннего ветра оторвутся от корней. Понесет ветер шары по Степи. Будут они катиться по полю, цепляя по пути травинки, ветки, листья других засохших трав. От этого шары станут еще больше, и катиться будут все быстрее и дальше. Недаром люди станут их называть общим именем — Перекати-поле.

Откуда Степь знала о приближении таких событий? Все просто: жила давно и за многие годы привыкла к таким превращениям. В отличие от нее, наши знакомые были растениями однолетними, не было им известно об их судьбе. Жаль, Степь не догадалась им рассказать. Наверно, многое в их дальнейшей жизни могло бы сложиться иначе.

Пришла осень. Все те изменения, которых ждала Степь проходили постепенно, не привлекая у растений особого внимания. Конечно, видели друг на друге желтеющие листья, твердеющие ветки, превращаю-

щие раскидистые кустики в круглые шары. Но не ждали беды, любуясь новыми красками.

Первым, кто оправдал свое имя — Перекатиполе, — был Синеголовник. Он раньше всех превратился в шар, и этот шар был самым большим и тяжелым. И вот в один прекрасный день налетел ветер, раскачал шар. О, как Синеголовник обрадовался! Решил, что теперь у него есть еще одно преимущество перед друзьями, и стал над ними смеяться. Гордость его одолела, и он выкрикивал насмешки, не выбирая выражений. Друзья обиделись, но молчали, так как сами увидели, что он качается бесспорно лучше их.

Ветер подул сильнее, и в какой-то миг стебель Синеголовника надломился, и он покатился по Степи.

— Ха-ха! — Кричал Синеголовник на всю округу, — А вы-то так не можете! Я отправляюсь в путешествие! А вы, недотепы, оставайтесь тут. Что, не можете догнать меня? Ха-ха-ха!

Конечно, слышать эти насмешки было обидно, а возразить нечего. Кермек и не вспоминал, что когда-то его цветы были самыми красивыми, а Качим с грустью потряс сухими веточками, которые ничем примечательным теперь не отличались. Однако обида оказалась сильнее этих переживаний, и Качим крикнул вслед мчащемуся на ветру товарищу:

— Не хвастай прежде времени! Еще неизвестно, кто из нас недотепа. Может, это именно ты, раз с ветром не сладил, а мы-то, получается, посильнее тебя.

— Да, да, — поддержал его Кермек, — мы-то украшаем Степь, а тебя нелегкая сила несет в неведомые края.

Не слышал этих слов Синеголовник, катился с веселым звоном, который издавали его колючки, цепляясь за сухие травинки. Радовался и тому, что его колючий шар обрастает, как новой одеждой, веточками и листиками, попадавшимися ему по пути.

Очень скоро его товарищи, неотрывно следившие за его полетом, вздрогнули от предчувствия беды. Синеголовник, достигнув оврага, зацепился за растущий на краю куст. Некоторое время пытался вырваться из плена, но прикреплялся еще плотнее, цепляясь все новыми колючками, которые торчали из его шара. Наконец, затих. Теперь ветер уже не мог его оторвать и только слегка покачивал.

Кермек вздохнул:

— Недолго путешествовал, наш величавый друг. Интересно, а мы...

Не договорил, порыв ветра и его оторвал от стебля, и он покатился в том же направлении. Качим, замедляя, следил за его передвижением. И этот путь был коротким. Докатился до того же кустика, но немного правее. Не зацепился. Через несколько секунд исчез из вида: ветер свалил его в овраг, на краю которого и задержался Синеголовник. Качиму издали трудно было понять, видят ли они друг друга.

Тяжелые мысли крутились внутри колючего шара Качима. Не привык думать, но в этом случае и думать было не о чем. Ясно, они все трое братья из семьи перекаати-поле. Видно, и его ждет та же участь: пробежаться по Степи и где-нибудь зацепиться или свалиться в яму. Бурный протест охватил его: не бывать этому! Он будет путешествовать! Надо непременно придумать,

как преодолевать препятствия. Ведь понятно, что Синеголовнику надо было как-то пролететь мимо куста, причем с левой стороны, чтобы не оказаться в овраге. Ну, а Кермеку требовалось проскочить еще правее того места, куда его нес ветер. Получается, что надо суметь управлять своим движением, то подчиняясь, то сопротивляясь давлению ветра.

Однако, сказать себе это — еще не означало, что опасаться ему теперь нечего. До ночи все думал, слегка покачиваясь на ветру. Понял еще одно: он легче своих братьев, коли еще не оторвался, и ветер понесет его быстрее. Вспомнил, что Синеголовник по дороге нацепил на свой шар много листьев и палочек, от чего стал тяжелее. Тяжелому труднее сопротивляться. Значит, надо стараться поменьше касаться земли. Так, первый урок получил. А Кермек... Почему он свалился, Качим не успел заметить. Ясно, что как только сорвет ветер, надо думать, и бороться, — тогда есть шанс влиять на полет.

За ночь его стебелек дал трещину, — сопротивляться этому не мог. Оставалось ждать порыва ветра. На рассвете хватило легкого дуновения, чтобы он оторвался и полетел. Старался именно лететь, а не катиться. Это ему удавалось довольно долго. Во всяком случае, и над кустом пролетел, и овраг обогнул, подставив бок резкому порыву ветра.

Степь с одобрением следила за ним. Пожалуй, давно не видела такого мастерства. Среди всех трав, живущих на ее просторах, перекасти-поле всегда ей особенно нравились. Все растения за свой короткий век меняются резко, и это ее забавляло, но семейство пе-

рекати-поле было ей особенно интересно. Мало того, что из обычных тоненьких веточек, долгое время растущих вверх, возникал шар, так еще и этот шар жил особенной жизнью, отличной от всех других растений. Следить за тем, как перекати-поле носился по ветру, взлетая или подпрыгивая, было для Степи занятием увлекательным. Она каждый раз удивлялась неповторимости и непредсказуемости полетов и пыталась угадать, где полет завершится. Но в данном случае Степь искренне желал Качиму долгого путешествия.

Весь следующий день перекати-поле весело неслось по бескрайним степным просторам. Ему не удалось сохранить шар в чистоте, и нацеплял на себя чужие травинки, веточки и листья, но время от времени успешно избавлялся от некоторых из них, попадая в струю сильного ветра.

Опасное путешествие так занимало его, что Качим огорчился, когда ветер стихал, и он волей-неволей замирал на поле. К его чести надо сказать, что он и это время использовал успешно. Любопытный Качим успевал разглядеть все, что оказывалось вокруг. С живым интересом разглядывал неизвестные ему растения. Удивлялся, что в этих краях совсем не встречались перекати-поле. С восторгом следил, как на ветру колыхались неизвестные ему длинные пушистые и будто невесомые травинки нежного серебристого цвета. Он не знал, что это Ковыль, одно из любимых растений Степи. Ему нравилось, как, серебряной волной поднимаясь и опускаясь над полем, щекотали Качиму его округлые бока, не оставляя следа. Но вдруг поднялся сильный ветер, поднял вверх и понес перекати-поле

Качим впервые увидел дорогу, и она ему не понравилась.

дальше, и с высоты он с некоторым сожалением увидел, что ковыльные поляны заканчиваются, и впереди его ждет пыльная дорога.

Качим впервые увидел дорогу, и она ему не понравилась. По дороге мчались машины, а за ними клубами неслась пыль. Машины Качим видел у себя весной. Они ехали по Степи, взрыхляя влажную землю, и пыли от них почти не было. Обрадовался, когда ветер изменил направление, и Качим опустил немного в стороне от дороги, слегка зацепившись за большой камень. Он предпочел бы оказаться на той стороне догори, но утешал себя, что, по крайней мере, ветер его опустил в придорожную траву, а не в пыль.

Прошло немного времени, одна из машин остановилась напортив Качима. Из нее вышел человек, весело крикнув своему товарищу:

— Смотри, перекаати-поле! Какая удача! Возьму его, обещал внуку привезти, а все не попадались. А тут, смотри, какой красавец.

И кинул перекаати-поле в кузов машины.

Машина тронулась, увозя Качима от Степи в незнакомые края.

3. КАЧИМ ВПЕРВЫЕ В ЧУЖИХ КРАЯХ

Ехали долго. Качима бросало в кузове от одного борта до другого, обламывая тоненькие веточки на поверхности шара. Поначалу э вызывало у него небольшое неудовольствие, потом заметное раздра-

жение, и, когда он был уже на грани ярости, машина остановилась. В нее занесли ящики, мешки, свертки, и среди них зажали перекасти-поле. Удовольствие от этого не получил, но зато во время дальнейшей езды лежал неподвижно. После болтанки на предыдущем отрезке пути это показалось прекрасным, несмотря на то, что один из ящиков давил в бок, а в соседнем свертке что-то погромыхивало.

Настроился на размышления, но ничего не получалось. Когда его нес ветер, поводов было достаточно, да и необходимость поиска вариантов перемещения заставляла приглядываться, прослеживать путь и выбирать по мере возможности, направление ветра. Какие вопросы решать тут, в этой машине? Знал бы, какие бывают местности, стал бы гадать, в какие края едет. Знал бы, как живут люди и кто такой «внук», захотевший получить перекасти-поле, начал бы гадать, зачем он нужен, и как поступать ему. Ничего этого Качим не знал, — значит, и думать о будущем бессмысленно. Стал вспоминать, как жил, когда рядом стояли кустики его дальних родственников, Синеголовника и Кермека. Вспомнил и о том, что они остались где-то далеко. И так стало досадно, что себе на беду придумал, как улететь подальше. Эх, теперь ясно, зря радовался, — глупо поступил, да изменить ничего не может.

Машина все ехала и ехала, и Качим уже и думать перестал, бесчувственно покачивался под скрип ящиков.

Очнулся от громких криков за бортом. Машина стояла, вокруг нее суетились люди, унося из кузова поклажу. Кто-то взял в руки Качима, поднял его высоко над головой, не вылезая из кузова, и громко крикнул:

«Эй, малой! Лови!». Сухой шар перекаати-поле стремительно полетел вниз. Там его никто не поймал, и он ударился о землю, рассыпая сухие листочки, застрявшие меж такими же сухими веточками.

В ту же минуту от удара мальчишеской ноги Качим отлетел от машины, но его тут же подкинул другой мальчик, но и этот полет был коротким, так как получил новый толчок, отправивший шар в новом направлении. Вскоре к мальчикам присоединились и взрослые. Всем понравилось подбрасывать этот сухой и легкий шар, который взлетал вверх, рассыпая обломки веточек и листьев. Футбол не футбол, а забавно. Надолго интереса не хватило, взрослые и дети разошлись по своим делам, оставив перкати-поле валяться в углу двора.

Были бы у Качима руки, почесал бы свои бока, растирая ушибленные места, но рук не было, хотя были немного помятые бока. Это его не огорчало, потому что, с одной стороны, он плохо понимал, что такой игрой его шар слегка повредили, а, с другой стороны, игра ему понравилась. И сожалел он не о помятых боках, а о быстро закончившемся развлечении.

В самый разгар его переживаний рядом с ним сел воробей. Оглядел Качима с одной стороны, с другой, вспорхнул ему, так сказать, на спину, попытался вытащить из середины шара прятавшиеся там семена, неодобрительно чирикнул:

— Кто ты такой? Откуда взялся? Зачем семечки так далеко запрятал? Доставать их трудно

— Я Качим, из рода перекаати-поле. Взялся из машины.

— Я Качим, из рода перекати-поле. Взялся из машины.

— Ты что, дурень? То, что машина тебя привезла, я и сам видел, но не в машине же ты на свет появился. Родина твоя где?

— Конечно, не в машине. До того, как меня кинули в машину, ветер носил меня над полем.

— Где такое поле? Я все поля вокруг знаю, не летают там такие шары.

— Ну, что ты? Мы тоже не все время летаем. Сначала на стебле сидим. А потом оторвет ветер, и покатымся. Или, как у меня получилось, полететь можем... Неужели не видел?

— Нет, не видел.

Взлетел воробей на куст, чирикнул, пытаюсь вспомнить хорошую мысль. Вот-вот вспомнит. Нет, не получается. Полетал над Качимом. Поклевал крошки возле него, нашел внутри шара зернышки, их достал. Попрыгал, попрыгал... Вспомнил!

— Эй, дружище, не горюй! Воробей всегда все знает, тебе поможет, — хвастливо зачирикал проворный воробышек. — В наших краях есть несколько болот. На них живут водоплавающие птицы. Многие из них сейчас отдыхают перед отправкой на юг. Они весной к нам вернутся издалека, потому что здесь их родина. Летят, как мне рассказывали, высоко, оттуда далеко видно. Может, они таких, как ты, не раз встречали, знают и то, где твоя родина.

— Чудак ты, как я посмотрю? Где их найду? Как к ним попаду?

И в самом деле, воробышка об этом не подумал. Смутился, понял, рано похвалился замечательной мыслью. Вспорхнул и исчез за ветвями ближайших деревьев.

Прошло немало времени. Качим уже и ждать нового товарища-хвастунишку перестал. Вдруг откуда-то сверху прямо возле него опустилась большая ворона. Обошла вокруг, критически осмотрела с одного бока, с другого. Прикрыла глаза, потом глянула одним глазом, хитро прищулив другой, и кому-то прокаркала, подняв клюв вверх:

— Бышек, это он, что ли? Силы небесные, сколько же в нем дыр!

Рядом опустился воробей. Толкнул Качима в бок, доставая зернышко:

— Он. А чем тебе его дырки не понравились. Приглядись, он, по-моему, даже красив.

— Красив, не спорю. А как я его понесу?

— Проще простого. Ухватишь за веточки возле любой дырки и тащи.

Качим, наконец, понял: воробей уговорил ворону отнести перекасти-поле на болото. Разволновался, слушая сомнения птицы.

— Уважаемая ворона, я верю в твою мудрость, знаю твою доброту. Пожалуйста, помоги мне попасть к журавлям.

Ворона гордо выпрямилась, взмахнула крыльями, каркнула:

— Конечно, конечно, все сделаю. Это я только пытаюсь найти самый удобный способ. Дорога не близкая, лететь высоко, не уронить бы тебя.

С важным видом еще раз обошла перекасти-поле, слегка ухватила за одну из веточек его шара, потом за другую, подергала, примериваясь, а потом вдруг спросила:

— А что, ты и в самом деле не знаешь, где твоя родина? — Покачала головой, то ли удивляясь, то ли осуждая. — Не понимаю. Вороны всегда знают, где их родина. Хоть и летают далеко от дома, его всегда найдут. Воробьишка, на что уж, мал, и тот свою родину знает. Верно говорю, дружище?

Воробей Бышек радостно взлетел, чирикавая во весь голос, поднялся над вершинами деревьев, заливаясь веселым пением.

— В этом дворе, на ветках этого прекрасного дерева вывелся из самого прекрасного яйца! Тут и мои дети по веткам порхают. Красота!

Подлетел к Качиму, толкнул его в бок:

— Оглянись! Ну, разве есть место лучше? Деревья высоченные! Пока до вершины долетишь, дух захватывает. А листья, — нет, ты посмотри, посмотри, какие они красивые. А весной... Ах, как пахнут эти листики! Улетать не захочешь, — так бы и нюхал.

Качим покачался от легкого ветра и с грустью сказал:

— Когда я рос в Степи, а рядом расцветали мои друзья и братья, Синеголовник и Кермек, я не думал, что это моя родина. Ветер сорвал нас с места, но мои друзья остались там, поблизости от того места, где выросли. Им не надо искать родину. Наверно, это все, что вокруг, тоже родина, да? Значит, наша родина — Степь. Меня же ветер далеко унес, а потом в неведомые дали увезла машина. Тут нет ничего похожего на Степь. Кто мне теперь скажет, где же моя родина, где должны упасть мои семена в землю? Не хочу их растерять тут в чужих краях. Нас, семью перекаати-поле,

никто здесь не знает, никто весной не обрадуется зелененьким веточкам и цветочкам молодых качимчиков. Ты, Бышек, извини меня, но мне жалко те семена, что ты достаешь. Там, в моей Степи было немало воробьев, они тоже вытаскивали из наших шаров семена, и почему-то мне это даже нравилось.

Воробей нахохлился. Может быть, обиделся, но более вероятно, смутился. Ворона хрипло каркнула, помахала крыльями.

— Не горюй. Бышек у нас добрый, и я тебя не осуждаю. Не знала, что ты случайно в нашем дворе оказался. Полетим сейчас. На удачу, ветер не сильный, не будешь болтаться в воздухе. Кстати, перед дорогой надо бы имена друг друга знать. Меня зовут Рона. А у тебя есть имя?

— Да. Качим.

— Ну, вот и ладно. Пора собираться.

Полететь сразу не вышло. Оказалось не простым делом найти удобный способ поднять Качима в воздух. Клювом, как посоветовал воробей, не получилось. Подходящей дырки Рона не увидела. Да и это ничего бы не решало, так как при таком способе шар оказывался прямо перед глазами и закрывал Роне большую часть поля зрения. Выручил самый привычный для ворон способ — схватить когтями. Этот вариант воробей не предлагал, так как сам его не мог применять, его лапки не годились для схватывания. Зато для вороны он был привычен. Почему же не начала именно с него, понятно: смущал размер шара. На деле перекаати-поле оказался легким, и ворона без труда взмыла вместе с Качимом вверх.

Воробей на прощание взобрался Качиму на самый верх, почирикал, помахал крылышками и полетел следом до ближайшей дороги.

4. ЗА ПОМОЩЬЮ — К ПЕРЕЛЕТНЫМ ПТИЦАМ!

Летели долго. Пришлось сделать по пути несколько остановок. Не потому, что груз для вороны был все же великоват, а из-за ветра. Внизу у самой земли его почти не было заметно, а высок над землей он буквально рвал шар из когтей птицы. Это создавало большое напряжение в лапах, и волей-неволей надо было опуститься для отдыха.

Ворона лишь при виде болот призналась, что уже не раз пожалела, что взялась за незнакомое дело. Конечно, переносить что-нибудь ей приходилось много раз, но и предметы были куда меньше, и расстояние короче. Рона умолчала и о том, что, как ни старалась она беречь шар Качима, не получилось сохранить его в первоначальном виде. Выискивала самые маленькие дырочки меж переплетениями ветвей, но под порывами ветра шар в воздухе покачивался, и отверстия увеличивались. Сразу после остановки на болоте Рона сразу попыталась, если можно так сказать, «причесать» перекасти-поле. Не очень хорошо это получилось, так как некоторые стебельки обломались. Качим, посмеиваясь, ее успокоил:

— Ну, не беда. Мне бы до родины добраться, а там к осени новый наряд будет.

Их приземление вызвало у журавлей любопытство. На ворону они бы и внимания не обратили, — тоже невидаль какая, — а вот шар удивил. Со всех сторон стали собираться журавли. Искоса поглядывая на незваную гостью, все внимание устремили на необычный клубок сухих веток, живописно украшенного обломками растений, нацепившихся за время долгих перемещений по земле. Рона не стала дожидаться, когда они обсудят все свои предположения, и четко изложила цель визита.

Ее рассказ вызвал такой гвалт, что, казалось, ничего понять в нем невозможно. Но вот поднялся старый журавль, тряхнул хохолком на маленькой голове, как бы требуя тишины, и заговорил спокойно и рассудительно:

— Каждый из вас по-своему прав. Да, все мы сочувствуем тому, что перекасти-поле потерял свою родину. Среди нас не найдется ни одного журавля, кто не понимает такой беды. Мы каждую осень улетаем в дальние страны, спасаясь от лютых морозов этих мест. Но это наша родина, для нас лучше ее ничего нет, и каждую весну мы возвращаемся из прекрасных теплых стран сюда, несмотря на трудности такого перелета.

Журавли закурлыкали, согласно кивая головами, и старому журавлю пришлось их останавливать, пока они не увлеклись перечислением всего прекрасного на любимых болотах.

— Но вы правы, — продолжил вожак, — просьбу гостя мы не можем удовлетворить. Путь очень далек. На этом пути мы делаем не больше двух остановок, и даже первая из них, как нам ясно, уже далеко от его

родных мест. Опускаться раньше мы не можем. Там нет болот, и недаром все поколения журавлей летят мимо. Для нас лететь легче, чем опускаться и подниматься в заоблачную высь, и без отдыха на болоте мы потеряем многих из птенцов, которые впервые отправляются в перелет.

Опять поднялся легкий шум. Причина его была не в том, что кто-то не согласился со словами вожака стаи, а в том, что они тут же перешли к поискам других вариантов помощи симпатичному Качиму. Старый журавль и это настроение уловил:

— Ну, да, некоторые вспомнили известную на всех болотах легенду о лягушке-путешественнице. Ее такие же, как мы, перелетные птицы, — то ли журавли, то ли гуси, то ли утки, — унесли в теплые края. И дальше не очень понятно, долетела она с ними или нет, но важно, что они нашли способ ее взять с собой в дальний полет. Наверно, надо попросить местных водоплавающих птиц повторить такое путешествие для нашего гостя.

Ворона одобрительно захлопала крыльями, громко каркнула, спрашивая, где же найти таких птиц. Несколько журавлей тут же вызвались показать дорогу на соседние болота. Там гнездились разные водоплавающие птицы, в том числе и гуси, и утки.

Вскоре Рона уже знакомила новых слушателей с проблемой Качима. Гуси, едва осмотрев шар перекапти-поле, отказались категорически, не объясняя причин. Качим не обиделся. После полета с вороной он хорошо понимал, как велик этот труд для птицы.

Утки, в отличие от гусей, обрадовались. «Ах, какое заманчивое предложение», — крякали одни. «Конеч-

но, конечно, отнесем, хоть на край земли!» — восторженно шумели другие. «Замечательно, восхитительно!» — кричали третьи — «О нашем подвиге узнают на всех болотах». И вспоминали лягушку-путешественницу. Правда, лишь немногие осторожно намекали на провал того мероприятия, ибо до юга ее не донесли, уронили по пути в неведомое болото.

Ворона слушала этот гвалт и все больше мрачнела. Была она мудра и прекрасно понимала, что, если никто даже не пытается ставить вопрос, каким образом они понесут перекасти-поле, это означает только то, что разговор пустой, что это одна болтовня. Так же хорошо поняла, что при таком несерьезном отношении к задаче доверять им нельзя, ибо при первой же трудности они бросят Качима посреди дороги. Какая уж там родина? Погибнуть может.

Неопытный Качим слушал уток с восторгом, ярко представляя будущее длительное путешествие. Его удивило настороженное молчание Роны, обратился к ней:

— Мне показалось, тебе что-то не нравится. Да, понимаю, с гусями лететь, наверно, мне было бы приятнее.

— Не в том дело. — Ответила она и, пробравшись в самую гущу галдящего скопления уток, строго спросила:

— Скажите мне, любезные птицы, как вы собираетесь нести моего друга?

— Как? Как? — Раздались голоса. — Очень даже просто!

— А все-таки, — не унималась Рона, — как именно?

Тут стало ясно, что никто об этом не думал. Стали вспоминать, что рассказывали о полете лягушки. И

опять, не думая о реальных деталях, обрадовались, что способ этот прямо-таки рассчитан на них. Вокруг их болота много кустов, с которых легко отломит любую веточку. На очередной вопрос, каким, интересно, ртом перекасти-поле зажмет такую веточку, смутились и окружили Качима, разглядывая его со всех сторон. Рта не нашли. Чье-то предложение проткнуть его веточкой насквозь категорически отверг сам Качим, очень сомневаясь, что его шар выдержит такую операцию.

Было и еще одно мнение: хорошо бы нести шар клювом. Ворона попросила любую из уток попробовать воткнуть свой клюв между сплетающимися в шар веточками. И этот вариант был забракован.

Убеждаясь в том, что путешествовать на юг вместе с гостем не получится, утки начали разлетаться в разные стороны. Перекасти-поле, теряя последнюю надежду на полет в Степь, погрузился, начал слегка дрожать, медленно стряхивая прилипшие к шару листочки и сухие веточки. Грусть его была так велика, что безразлично смотрел, как вместе с ними выпадали так оберегаемые им семена.

Не дала грустить ему Рона. Принесла новых листочков, заткнула ими прорех, покатила Качима сначала по влажной траве, потом по глинистому берегу, чтобы все плотно прилипло. Закончив ремонт, бодро прокаркала:

— А теперь вперед! Я знаю, что надо делать. Летим! По пути расскажу.

Поблагодарила болотных птиц за доброжелательный прием и стремительно подняла перекасти-поле

— А теперь вперед! Я знаю, что надо делать. Летим!
По пути расскажу.

ввысь. Когда водная поверхность болот осталась позади, поделилась своим планом. Оказывается, на окраине поселка, где она жила, стоял старенький дом. Его хозяином был добрый старик Степан Степаныч, который любил птиц и зверей, немало им помогал в трудные для них времена. Она не сомневалась, что он непременно что-нибудь придумает. Качим, успевший за время их путешествия потерять оптимизм, отнесся к новому плану без особой радости. Однако, деваться было некуда, иных вариантов никто не знал, и он смирился с неизбежностью полета, теперь особенно непривлекательного. Они летели, думая каждый о своем, озабоченные лишь тем, как поскорее преодолеть нелегкий путь.

5. ДЕД СТЕПАН ОБЕЩАЕТ ПОМОЧЬ КАЧИМУ ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ

Перекасти-поле еще издали увидел поселок, из которого они совсем недавно вылетали на дальние болота. Тогда его переполняли надежды, а теперь он мрачно смотрел на приближающиеся дома, Ничего хорошего не вспоминалось, ничего хорошего не ждал. Была долгая и неприятная поездка в машине, все дальше и дальше увозившей его от Степи. Были ящики и коробки. Был пыльный двор. Ничего приятного. Разве обрадуешься, вспомнив, как мальчишки ногами гоняли его по двору.

Единственным приятным воспоминанием был воробей Бышек. Смешной такой, все норовил семена

из Качима вытащить. Теперь стыдно, — вздохнул Качим, — напрасно жадничал, просил не трогать его семена. Пусть бы клевал, коли они ему по вкусу пришлись. А теперь совсем не понятно, куда их девать. Совсем не радуется, что высыпаются они где-то в пыльном дворе этого чужого поселка, весной прорастут, и будут по его зеленым стебелькам ходить, бегать и ездить, не давая им превратиться в кружевной шар перекаати-поле.

В тот самый момент, когда Качим думал о своем невеселом будущем, он увидел, что они пролетают мимо поселка. Удивился, но тут же вспомнил, что Рона говорила о каком-то Степаныче и крикнул громко, стараясь пересилить шум ветра:

— Рона, куда мы летим?

Ворона, видимо, уже сильно устала и ответила не сразу:

— Увидишь совсем скоро. Вон за рощицей домишко стоит, туда и летим.

Долетели, спустились, ворона с наслаждением разжала когти, выпуская своего пассажира на мягкую траву во дворе. С любопытством оглядывал Качим все вокруг. Трава мягкая, влажная, пахнет чем-то очень знакомым. Двор огорожен деревянным забором, по доскам, густо заплетенным красивой зеленью. В глубине двора перед открытыми дверями сарая стоит мужик с ведром. Он увидел ворону и приветливо окликнул ее:

— Это ты, проказница? Что ты мне на сей раз притащила? Говорил же тебе, не таскай мне ничего. Постой-ка, да никак перекаати-поле ты мне принесла? Глазам не верю, не растут они в наших краях.

— Это ты, проказница? Что ты мне на сей раз притащила?

Старик поставил ведро, отряхнул руки, поднял Качима и долго разглядывал его со всех сторон. Покачал головой, найдя немало признаков разрушения и с упреком посмотрел на ворону:

— Что ты с ним делала, что столько ран на его шаре?

Пришлось оправдываться под его строгим взглядом. По мере того, как Ворона рассказывала все новые подробности путешествия, старик становился добрее и ласковее. Аккуратно снимал мусор с поврежденного шара, выпрямлял стебельки, разравнивал вмятины, осторожно ставил на место выпадающие коробочки с семенами. Закончив осмотр, сел на скамью и попросил перекаати-поле рассказать подробно о своей жизни в Степи. Это ему было важно, чтобы определить, в какой именно степи вырос перекаати-поле. Степей много, о некоторых можно и не думать, — так они далеко. Но некоторые находятся, хоть и не рядом с проселком, но добраться сюда вполне возможно за то время, о котором говорил Качим. Не менее важно старику было знать, какие растения и животные населяют родные края забавного путешественника. Оказалось, имена Синеголовника и Кермека ему известны; так же хорошо он знает о ковыльных полянах.

Но, пожалуй, самым удивительные для перекаати-поле было то, что старик ту Степь тоже называет своей родиной. Где-то в тех местах жили его родители, сам он мальчиком бегал по Степи, собирал тюльпаны, ловил стрекоз, приручал хомяков и тушканчиков, любовался орлами, следил за охотой ястребов на полевых мышей. Музыкакой звучали эти рассказы Степаныча для

Качима и он готов был слушать и слушать. Роне было не так интересно, и она в конце-концов нетерпеливо перебила старика:

— Степаныч, это все замечательно, но ведь Качиму не рассказы нужны, он хочет попасть обратно на родину. Ты можешь в этом ему помочь?

— Скажу так: мне этого очень хочется, но не все от меня зависит. У меня здесь есть масса дел, и перед тем как отправиться в Степь, я должен кое-что уладить. Придется пару дней потерпеть.

И старик нежно погладил кружевную поверхность шара.

— Ну, а пока ты, Рона отнеси-ка его вон в тот угол двора, сама же устраивайся, как обычно, — у тебя тут немало любимых мест.

Старик ушел по своим делам, ворона устроила Качима в углу двора, зачем-то натаскав туда мягкой травы. Вот чудачка, будто ему на сухой спать жестко. Качим не возражал, ему была приятна ее забота, да и запах свежей травы он любил. Закончив эти хлопоты, Рона отправилась на поиски Бышека. Он еще не знает, что они вернулись, и ничего не слышал о том, чем закончился полет в края болот.

Рона очень спешила. Ее так и распирало от неумного желания поделиться с другом всеми впечатлениями этого неудачного путешествия. Жаль, от спешки она лишилась своей обычной наблюдательности. Иначе она бы немедленно вернулась. Дело в том, что именно в этот момент, как она покинула двор Степаныча, с другой стороны к воротам подбежал тот мальчик, которого во дворе звали «Малой». Ну, да, тот

самый, кто играл Капчимом, как футбольным мячом. Ничего хорошего не сулила встреча перекасти-поле с этим шалуном. Но ворона его не заметила и улетела, придумывая по пути, как поинтереснее рассказать о трудном полете, о суровом приеме у гусей и безответственных планах уток.

Малой влетел с веселым гиканьем, пощелкивая прутиком длинную палку, на которой он скакал, будто на коне. Пронесся по всему двору, выкрикивая веселое «Здравствуй, дед Степан!», и тут увидел Качима.

Качим его заметил сразу, рад был бы куда-то спрятаться, но сам без ветра или вороньих крыльев был беспомощен и лишь с тоской ждал того мига, когда шалун его обнаружит. Вот и пришел этот момент. Малой издал воинственный клич, помахал прutom над головой, сделал вид, будто прищпоривает коня, и ринулся на перекасти-поле.

Он не пнул его ногой, как того ожидал Качим, а со всего маха ударил палкой, которая у него уже перестала быть конем, а превратилась в спортивную клюшку. Мальчишка гонял перекасти-поле по двору, взвизгивая от радости, когда шар ударялся о препятствие. Качим пытался что-то сказать Малому, но тот, наверно, не слышал, а то, скорее всего, не понимал. Чтобы понимать растения или животных, нужно быть внимательным, приглядываться и прислушиваться, а мальчик был еще мал. Впрочем, очень сомнительно, чтобы позже он этому научился. Без любви к природе никакая наука впрок не пойдет. У Малого этой любви заметно не было, иначе трудно объяснить его обращение с Качимом. Любой малыш, который любит

Мальчишка гонял перекати-поле по двору, взвизгивая от радости

животных и растения, невольно залюбовался бы кружевным узором невиданного в этих местах шара из прутиков и листочков. Малого они не удивили, тем более, не восхитили. Он видел только нечто, похожее на мяч. И все. Зачем в таком случае ему прислушиваться, о чем этот круглый предмет шуршит. Просто шуршит веточками по земле, и это так просто и обыкновенно.

Смотреть и видеть, слушать и слышать — это разные вещи. Попробуйте простое сравнение того, что видит или слышит каждый из нескольких ребят в одно и то же время. Выберите одного из вас судьей. Судья даст условный сигнал для задания «слушать!», и пусть каждый скажет ему на ушко, что он услышал. И окажется, что один слышал, как проехала машина за окном, другой — как скрипит стул под кем-то из товарищей, третий — как в соседней комнате мама включила телевизор. Пусть не эти, другие звуки, - это лишь пример, но называть будут разное, если заранее не договорились, что именно надо слушать.

Вот так получилось и с Малым. Ему никто не говорил, что перекасти-поле может о чем-то говорить. Мальчик, вероятно, слышал шуршание, но не обращал особое внимание на эти звуки. Его ноги тоже издавали во время бега шуршание. Возможно, в это же время доносились негромкие звуки и с улицы. Да мало ли звуков вокруг. Вот если бы он был внимательнее и любопытнее, он бы шуршание Качима не пропустил. Любая речь отличается от случайных звуков, есть в ней какая-то организация, ритмичность, интонация или что-то еще. Мы можем не знать чей-то язык, но стоит услышать говорящего на этом незнакомом языке

ке человека, мы сразу догадаемся, что это он говорит, а не просто шуршит. Не так ли?

Говори, не говори, но Малой Качима не понял и продолжал с ним обращаться, как с бесчувственным неживым предметом. Покатал по двору, выкатил на улицу, пробежал с ним по дороге, свернул в лес. В лесу шар цеплялся за траву, катить его стало трудно. Пнул с досадой мальчик перекасти-поле, сел опять на своего «коня», поскакал по опушке, добежал до дороги и умчался к себе домой.

А теперь думайте, что получилось. Дед Степан уходил по своим делам, ворона улетела за Бышеком, мальчик прибежал и убежал, его никто не видел. Куда и как исчез Качим, некому было рассказать. Теперь легко представишь, каково было удивление Роны, когда она стала искать его, чтобы поговорить вместе с Бышеком. Сначала решила, дед Степаныч его убрал. Дождались Степаныча, а он то-де ничего не знает.

Вот так штука! Все трое хорошо знают, что перекасти-поле без ветра или чьей-то помощи не двигается с места. Ветра вроде нет. Да и сильный ветер нуден, чтобы со двора унести Качима. Посторонних людей не видно, да и трудно предположить, что кому-то он мог понадобиться. Лежит себе ком прутиков, ничего, на первый взгляд, особенного в нем нет. Птицы? Ну, да птицы могли бы унести, но таких крупных и любопытных, как ворона, не видно. Летают воробьи, но им он не интересен, да к тому же унести им нечем, так что и спрашивать их нет смысла.

Неугомонная Рона все-таки полетела поговорить с воробьями, не заметили ли они, куда исчез шар со двора.

Они, возможно, и видели, но занятия мальчика им были безразличны, потому и они все, как мы уже знаем, смотрели, но не видели.

Сели втроем, дед Степан, Рога и Бышек рядом на скамью пред крыльцом, загрустили. Думать надо. Воробей вообще не большой мастер загадки разгадывать, а деду и вороне зацепиться не за что.

Вдруг ворона встрепенулась. Вспомнила, как однажды она утащила брошку с окна в доме одной женщины, спрятала ее на крыше. Стали люди искать брошку, а собака их как подняла лай под крышей. Прыгает, хвостом машет, лает из всех сил. Стали люди осматривать место, догадались и на крышу заглянуть. Нашли брошку. Хозяйка сразу догадалась, чье это безобразие, долго потом прогоняла Рону со своего двора. Вот и говорит ворона, а не позвать ли на помощь собаку.

Хорошая мысль, да есть проблема. Степаныч собаку давно не держит. Был у него верный друг, Гномом он его звал. На охоту ли соберется старик, в горд ли поехать, по лесу ли за грибами походить, — без Гнома ни на шаг. Небольшого росточка пес, а ума больше, чем у любого большого пса. Славился по всей округе. Бедастряслась. Как-то ранней весной во время таяния снегов, забрел один малыш в лес, а там в овраг провалился. Искали его долго, все по дворам бегали, спрашивали, не видел ли кто его. Позвали, наконец, деда Степана с его собакой. Гном сразу в лес кинулся, и — к оврагу. А мальчик-то в ледяной воде, как туда упал, застрял, вылезти не может, уже и барахтаться перестал... Люди заметались, кто тулуп с себя снима-

ет, кто большую палку ищет, чтобы мальчонку к берегу подтянуть, а Гном лает, лает, потом в ледяную воду кинулся. Мальчика вытащил. Мокрую одежду сняли, в чей-то тулуп закутали, домой отнесли. Благо, дом его недалеко стоял. Гном сам промерз до нитки. Но закутать себя не дал. Уж как его Степаныч уговаривал, а тот увертывался, убежал. Пока до дому добрались с дедом, немало времени прошло. Укутал его Степаныч только в избе, возле печки отогреться положил, но не сумел вылечить. Поздно было. Вот с тех пор дед и не держит собак. А мальчонку того выходили, его родители потом частенько к деду наведывались, хороших щенков подыскивали. Не соглашался Степан на замену, всем говорил, другой пес ему не нужен.

Одним словом, собаки своей у деда нет. Можно, конечно, спросить у соседей, есть ли пес, который искать может, а не только брехать попусту на кошек. Бышек всех собак знал, но, по его мнению, такой он не видел. Не принято в их поселке собак обучать. Покомят, дети поиграют, на цепь посадят, и пусть сидит. Вот они и лают, да не скажешь, что сторожат, - так, друг с другом перкликаются. Покивал дед, соглашаясь с птичкой-невеличкой, смеется, говорит, что у нее и то ума больше.

Надо бы пойти к соседям, да сомнение на Степана нашло. Ну, что он скажет? Дайте, дескать, вашу собаку ком сухой травы поискать. Засмеют, и потом всю жизнь подтрунивать будут. А не объяснишь, зачем собака, придумывать начнут, решат, секрет у него большой. Чего доброго, выслеживать станут. Вот беда-то, и так — не так, и так — не эдак. Духу на то, чтобы мах-

нуть рукой и не искать перекасти-поле, тоже не хватает. Уж больно задел он его душу своим желанием найти родину. Как вспомнил Степь, и самому в те края захотелось, а тут такой повод хороший — помочь Качиму.

Сидят на скамье, думу думают. Рона с ее нетерпеливым характером долго сидеть никогда не могла, а тут такое дело серьезное. Даже на деда злиться начала, — сидит, в затылке чешет, а ведь считают его мудрым. Похоже, надо ей за дело приниматься. Взлетела на спинку скамьи, крыльями похлопала, Степаныча по плечу клювом стукнула, привлекая его внимание, и прокаркала, что они пусть сидят, если им так нравится, а она полетела в разведку. И, не слушая возражений, стремительно взмыла вверх.

6. НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Ну, а что же в это время происходило с Качимом? Лежит в траве, вокруг поглядывает, думает, как сдвинуться с места. И помощи ждать неоткуда, вокруг только муравьи ползают, да стрекозы летают. Среди ветвей пичужки щебечут, но крохотные, меньше Бышека, от них помощи ждать даже смешно. Попробовал окликнуть одну из них, а она, то ли испугалась, то ли, наоборот, внимания на него не обратила, вспорхнула и исчезла среди ветвей.

Вдруг шорох раздался откуда-то из кустов. Замер Качим, прислушивается. Ага, вот и появился тот, кто шуршал, — ежик. Бежит, лапками быстро перебира-

ет, принюхивается, носом сопит. Подбежал, остановился, глазками моргает. Опять носом засопел, принюхивается. Перекати-поле пока молчит, не решил еще, надо ли с ежом разговаривать. У них в Степи тоже ежи жили, под кустами, где они с Кермеком росли, частенько бегали. Как будто нора там была, да не обращали друзья на них внимания, — ни пользы, ни вреда от них не видели. Вот и думает теперь, чем ему эта встреча грозит.

Пока думал Качим, еж обнюхал его со всех сторон и, видно, решил, что пригодится в его хозяйстве эта находка. Толкнул его раз, толкнул другой, потом еще и еще, так и покатил по траве. Однако надолго его стараний не хватило, слишком часто шар цеплялся за высокие сухие травинки. Зацепится, а ежу отдирать приходится. Устал. Чуть не бросил его в траве, но, подумав, лег на землю, прицепился спиной к шару, вскочил на ножки, а шар уже на спине возвышается. Побежал к себе домой, радуется, хоть еще и не придумал, что он с ним делать будет.

Бежит ежик, а нал ним две сороки кружат, удивляются: ишь, жадина, подобрал шар, а он больше ежа. Летают вокруг, спорят, донесет он шар этот до норы или бросит. Не поймут, что за странный шар, тяжелый или нет. Летают и спорят, бросит — не бросит. Так до самой норы ежа и проводили. Еж перед входом в нору шар скинул, в нору забежал. Сороки не улетают, новый спор затеяли: затащит еж этот шар в нору или тут у входа бросит. Ох, уж, эти сороки, им бы только болтать, а зачем и для чего, совершенно не важно. Долго еж не показывался, сорокам надоело его ждать, уле-

тели разносить весть о смешном еже, который притащил к норе травяной шар огромного размера.

Остался Качим лежать перед ежиной норой, горюет, себя ругает за то, что сорок не попросил Рону или Бышека поискать. Может быть, они с ними знакомы. Эх, теперь жди и надейся, что вернутся. А если не вернутся, то еще неизвестно, что его ждет, какие планы еж строит.

Еж немного отдохнул в норе, вылез, вокруг Качима бегаёт, думает, что делать с ним. Прислонился к нему спиной, шар покачнулся, еж на ногах не удержался, и они немного прокатились по траве. Ежу это понравилось. Оттолкнулся лапками от земли, и они опять покатались. Правда, приходилось быть осторожным, чтобы лапки не ушибить, но для ежа не проблема в такой же шар свернуться. Игра оказалась интересной. Покатался еж, потом отнес Качима к норе, хотел затащить его в нору, чтобы никто из соседей не унес, да не получилось. Так и оставил перекаати-поле у входа.

Некоторое время еж дремал рядом с Качимом, но потом голод заставил отправиться на охоту. Так ярко представил, что вот сейчас поймает мышку, что помчался, не оглядываясь. А мыши-то сидели неподалеку от норы. Конечно, в обычное время они нору обходили дальней дорогой, но необычный шар, который поставил перед входом еж, вызвал неукротимое любопытство. Как только еж исчез за кустами, мыши окружили перекаати-поле. Сначала нюхали издали, потом поближе, и, наконец, осмелели, не встречая с его стороны никакой агрессии. Потрогали лапками, заглянули в дырочки, ахнули от вкусного запаха, иду-

щего из середины. И давай теревить шар, стараясь добраться до центра, где уже успели унюхать и разглядеть коробочки с семенами. Так бы и растерзали Качима, да поняло он, что опасность велика, и громко закричал.

Мыши в испуге отскочили в кусты. Подождали. Но ничего после этого Качим не делал, и они опять вернулись, но теперь уже сноровисто принялись за дело. Одна мышь откусывала веточку, другая отбрасывала ее в сторону, а на ворчание Качима не обращали внимание. Дескать, ворчи себе на здоровье, а нам-то ничего сделать не можешь. Наверно, так бы и растерзали шар, да на счастье вернулись сороки. И не одни. С ними была Рона.

Ворона без промедления взялась за переплетения ветвей на шаре, сердито выговаривая товарищу за то, что его зачем-то понесло в такие дальние края. Качим пытался оправдаться, но Рона его не слушала, так как у нее возникли неожиданные трудности. Поднять, как раньше шар, не получилось. Подергала, подергала, но осторожно, так как опасалась навредить. Качим не трогается с места. Ворона каркает, ругает его, а он и сам понять ничего не может.

Вмешались вездесущие сороки. Они увидели, что сзади колючая ветка раскидистого куста шиповника крепко уцепила его в нескольких местах. Оказывается, пока мыши пытались добраться до середины шара, они плотно прижали его к шиповнику, росшему над норкой ежа. Вот ведь беда так беда. Дернуть сильнее опасно. Вытащить колючие ветки шиповника не получалось. Надо лететь за Степанычем. Но ведь и одного

оставить Качима тут не менее тревожно: не еж, так мыши того и гляди налетят, а их намерения уже известны. Сорок попросить позвать деда, но нет им полного доверия. Уж очень они любопытные создания: что-то новое или неожиданное встретят по пути, забудут, зачем летели.

Растерялась ворона. Совсем это было на нее не похоже. Вида не подает, вроде бы занята своими перьями, почистить пора. Качим не утерпел, подгонять ее начал, а она отвечает, что торопить ее не требуется, дело надо обдумать. Ему невдомек, о чем уж думать, — ведь лететь за дедом — не велика работа. Обо всех ее сомнениях не догадывается, и она помалкивает, тревожить напрасно не хочет. Может, еще и придумает что-то толковое.

Вдруг кусты позади них зашуршали, да не так, как обычно приближался еж, а с хрустом веток. Взлетела ворона и каркнула удивленно: сквозь кусты пробирался, а точнее сказать, ломился щенок. Смешной такой, взлохмаченный, в шерсти клочья травы застряли, уши торчком, да к тому же торчат-то в разные стороны. Но, судя по его бесшабашному виду, он ничей, живет сам по себе, ни от кого не прячется, никого не боится. В кусты залез, наверно, из озорства. Вылез, на ворону смотрит, а сам уже успел лапой Качима толкнуть.

Вот удача, так удача, решила Рона, вот и сторож для перекасти-поле. Опустилась, поговорила с щенком, коротко все объяснила. Понятливый оказался, лишних вопросов не задавал, лишь уточнил, ежа, если раньше деда придет, тоже гнать. «Гнать, гнать, всех гнать! Побродит по лесу, не скиснет», — засмеялась ворона и улетела.

Вот удача, так удача, решила Рона, вот и сторож для перекати-поле.

Сороки растерялись: то ли за ней лететь, то ли тут оставаться, — не пропустить бы самое интересное. Пострекотали, остались, догадываясь, что по дороге к старику особых происшествий ждать нечего, а тут еще неизвестно, чем дежурство нового сторожа обернется. Вскоре убедились, что все решили правильно.

Сытый и довольный, из чащи леса выкатился ежик. Не шел, не бежал, а именно катился. С той стороны была небольшая горка, еж ленился перебирать лапками, — наверно, объелся на охоте, — свернулся клубком и покатился прямо к норе. Щенок несколько мгновений смотрел на катящийся шар, а как только понял, что это возвращается хозяин норы, поднял отчаянный лай. Еж в недоумении остановился, высунул мордочку, увидел возле своей норы чужака, зашипел устрашающе. Не на того напал! Щенок лаял все громче, оскаливая зубы и с твердым намерением укусить, бросился на ежа. Того укусить непросто, свернулся клубком. Попробовал еще раз пробраться к норе, щенок еще злее накинулся на ежа. Ежик и убежал. Может быть, испугался; может быть, за подмогой помчался, — этого нам не узнать. Почему? Да просто потому, что из кустов уже выходил Степаныч в сопровождении Роны и Бышека.

Бывают же такие удачи. Степан жил от этого места другой стороне, да в данный момент шел в дальнюю деревню к старому другу пса попросить для поиска Качима. Это был единственный пес, который, насколько он знал, был хорошо обучен. Правда, в основном ходил с хозяином на утиную охоту, но там без хорошего нюха, безупречного внимания

делать нечего. Вот так и получилось, что встретила его Рона поблизости от ежиной норы, где так крепко застрял перекаати-поле.

Старик осторожно отцепил Качима от куста, поправил растрепанные веточки шара, положил его в мешок и покинул нору ежа. На прощание свистнул, давая ежу понять, что дом его свободен. Еж был умен и хитер. Никуда не убежал, а выжидал, как обернется дело, и на свист деда быстренько примчался. Обнюхал куст шиповника, тропинку возле норы и, не обнаружив никого постороннего, спрятался в норе. На том его знакомство в Качимом и щенком закончилось.

Дорога до дома старика дальняя. Васе успели обговорить: и то, как Качим оказался в этих местах; и то, как его еж нашел; ми то, как мыши терзали, — короче говоря, все то, что вам уже известно, а наши друзья узнавали друг от друга постепенно. Узнали и о том, откуда взялся щенок. Когда-то был у него, конечно, дом, хозяин, но этого он уже не помнил. Вспоминал только, что хозяин куда-то уехал, свою взрослую собаку, мать трех щенков, отдал соседу. Щенки тому были не нужны. Двух пристроили у сторожа, а вот этот, третий, самый маленький и слабенький никому не приглянулся. Завезли его в лес и бросили со словами, что будешь умным, тут прекрасно выживешь. Ну, а коли ума не наберешься, так тому и быть, — кто умнее и сильнее, съест тебя. Хорошо запомнил щенок это напутствие. Он, хоть и был всех поменьше, но ума у него вполне достаточно. В лесу сориентировался, конечно, не сразу, хо-

рошо его потрепали, — оттого и ухо одно в сторону скривилось. Еду добывать научился, от врагов прятаться умел, под жильё нашел старую лисью ору. Друзей нашел. Больше всех ему понравился один утенок. Смешной такой: все утята от щенка убегали, как их мать учила спастись от лис и волков, а этот, наоборот, к щенку за защитой приходил.

Слушал его дед Степан, улыбался. Понял, никуда он его не отправит, заберет себе. Конечно, это вовсе не означает, что Гнома забыл, но и бросить этого самостоятельного малыша будет большой ошибкой. А, кстати, ему имя надо придумать. Вспомнил, как этот храбрец на всех лаял, Качима охраняя, — громко, на всю округу. Решил: «Назову его Гром. И на Гнома похоже, и о его умении лаять имя это говорит».

Качим, сидя в мешке, слушал, молчал и все не решался спросить, а как же с поиском его родины будет, — поможет старик или раздумал. Вон у него теперь новая забота появилась, щенка растить, учить собачьей службе, к делу приспособливать. Степаныч будто угадал его мысли, стал говорить, что сегодня же станут готовиться к дальней поездке в Степь. Втроем поедут: он возьмет, кроме Качима, и Грома. Рона и Бышек, конечно, останутся. Это решение вызвало разный отклик. Гром и Качим, конечно, засияли от счастья, а ворона с воробышком шум подняли, протестуют, требуют, чтобы и их дед взял с собой. Если говорить откровенно, Степаныч и сам хотел этого, но сомневался, что птицы легко расстанутся с родными местами. Говорит им:

— Да как же вы с нами поедете? Вспомните, как перекасти-поле на родину рвется, а у вас тут родина.

— Так мы же не навсегда уедем, — в один голос откликнулись птицы, — отвезем Качима, найдем его родину и вернемся.

— А вот это обещать не могу. Стар я стал ездить туда-сюда, трудная дорога. Вот для Грома все проще: собаке хорошо везде, где живет ее хозяин.

— А мы тоже станем твоими собаками, — опять в один голос воскликнули Рона и Бышек.

Рассмеялся Степан Степаныч. Долго еще шел, улыбаясь. Наконец, сказал:

— Вот что, собачата мои, скажу вам. Может, вернетесь в родные места, может быть, не получится. Жить, конечно, везде можно, привыкают к новому месту и даже любить начинают. Но родина — это особое место, она на всю жизнь любому существу силу дает. Для этого важно ее помнить и думать о ней в любой стороне. Сегодня вечером и завтра с утра осмотрим всю округу, разглядим получше, послушаем, понюхаем, — и это запомним. А я на память соберу несколько травинок, листиков, цветов, насыплю в мешочек земли с поля, леса и двора. Возьмем с собой, а там, в Степи найду им такое место, чтобы каждый, как соскучится по родным краям, мог прилететь, посмотреть ил понюхать. Вот тогда и в путь отправляться можно.

Это была замечательная идея. Оказывается, сколько ни живи в одном месте, а многое не замечаешь. Или вроде замечаешь, но на самом деле не понимаешь, в чем его прелесть. Например, ни разу не обратил внимания на то, как красив этот давно знакомый куст. Он, оказывается, особенно прекрасен в тот час, когда

позади него садится солнце. А вот взгляните: эта уходящая вдаль дорога, окруженная высокими деревьями, так и манит отправиться в неведомые страны, и замирает сердце от прекрасной мечты. А сколько веселых голосов обрушивается на тебя, стоит лишь прислушаться: попискивают комары, жужжат мухи, откуда-то издали донесся задиристый крик петуха. И ты вдруг понимаешь, что это все так прекрасно, и тебе очень повезло жить среди этого великолепия красок, звуков, запахов.

Отправились в поход по знакомым краям. Взяли и Качима, — ему тоже захотелось все хорошенько рассмотреть и запомнить. Так увлеклись, — смешно сказать, — знакомством с родным краем, что Бышек и Рона попросили продлить экскурсии, но их не поддержал Качим. Они спорить не стали, понимая его нетерпеливое желание оказаться в Степи. Старик с доброй усмешкой пообещал им, что встречу с новыми краями он постарается сделать такой же увлекательной.

Степаныч обошел соседей, прощаясь с ними. Каждому нашел добрые слова, каждому оставил на память что-то нужное в хозяйстве. Навел порядок в доме и во дворе, оставил ключи соседу, попросив, приглядывать за домом. Напоследок сказал ему, что если отсутствие его затянется, то можно пустить в его дом хорошего человека или молодую семью.

Провожать деда Степана вышло много народа. Добрые пожелания звучали со всех сторон. И не удивительно: любили старика.

7. ВСТРЕЧА СО СТЕПЬЮ

Любое прощание заканчивается. Вот они уехали. Качим — в мешке, для Грома дед сделал поводок, а для птиц — клетку. Степанычу эти ограничения свободы доставляли переживаний, пожалуй, больше, чем его подопечным. В их умении вести себя хорошо в любом месте он не сомневался, но таковы были правила, нарушать которые строго запрещалось. Куда бы вы ни ехали, всегда вас ждет масса неудобств, тут ничего не поделаешь.

Поездка имеет и еще одно важное свойство: приходит время, и она заканчивается. После долгих путешествий дружная компания стоит у дороги, ведущей в Степь. Наверно, кто-нибудь другой, стоя перед бесконечной пыльной дорогой, печально вздохнул бы, но наши путешественники... Да что говорить? Разве опишешь их бурную радость: ведь это была Степь! Та самая, о которой давно грустил дед Степан. Та самая, вернуться к которой мечтал Качим. Та самая, знакомство с которой с нетерпением ждали Гром и обе птицы.

Никого из них Степь не разочаровала. Те, кто ее знал раньше, радостно вдыхали ее ароматы, а новички восторженно вглядывались в бескрайние просторы. Вот уж где можно было насладиться бегом или полетом!

Восторги восторгами, но впереди их ждали дела: найти жилье, приобрести необходимые вещи. Описывать все не стану. Это все обычные заботы, не они нас волнуют.

Любое прощание заканчивается. Вот они уехали.

В первую очередь, интересно знать, как Качим встретился с родным краем. Это возвращение было совсем не простое дело. Конечно, вся Степь его родина, но где-то в ней есть особое место, — то самое, где он вырос, и откуда ветер его унес в далекое путешествие.

Немало дней потребовалось деду Степану, чтобы найти именно это место. Тем, кто впервые в Степи, кажется, что степные края везде одинаковы, — ничего подобного! Чуть отойдешь в сторону, вокруг уже другие травы, другие зверьки выглядывают из норок. И кусты не такие, и овраги разные. Однако Степан Степаныч хорошо знал Степь, и по отдельным воспоминаниям Качима сумел найти то единственное место.

Нашли родной куст, нашли тот овраг, на краю которого зацепился Синеголовник. Достали со дна оврага и Кермека. Дед Степан принес всех троих к их родным кустам, дал время им наглядеться друг на друга, поделиться всеми происшествиями, познакомиться с щенком и птицами, помогавшими в поисках.

Но вот Степаныч заметил, что перекасти-поле стали меньше говорить, будто все уже сказано, а, может быть, устали от нахлынувших переживаний. Тогда он приступил к обсуждению серьезного вопроса. Сейчас прекрасная осенняя погода, радует и теплом, и осенним многоцветием, и приятной смесью запахов. Однако, впереди суровая зима с сильными холодными ветрами. Братья перекасти-поле не смогут им сопротивляться, и эти ветра разнесут их по Степи. Они снова расстанутся, но в этот раз навсегда. Придет весна, тогда из их семян вырастут новые перекасти-поле.

Только эти малыши будут расти в разных местах и не узнают об их замечательной дружбе.

— Ну, приколи нас всех под этим кустом, — попросил Кермек. — Я уже насиделся в одиночестве, не желаю такого никому.

Степан Степаныч на это ничего не ответил, он отошел в сторону, чтобы расчистить место для ажурных шаров под ближайшими кустами.

Качим и Синеголовник его поддержали. Их просьба вызвала обиженный отклик Бышека:

— Вы о себе думаете, а про нас забыли. Мы с Роной успели полюбить Качима, да и с вами встречу ждали. А по-вашему, вы будете тут вместе, а с нами расстанетесь навсегда. Зимой мы сюда не прилетим, и в сугробах вас не найдем. Что весной с вами будет, наверно, и дед Степан не догадывается. Зато я хорошо знаю, как выглядят к весне перенесшие зиму пучки засохшей травы.

— Да, да, я тоже видела. Перегнившие, спутанные в грязные комья, — даже садиться на них нет желания. У нас хоть мужики убирают этот мусор, а тут... Вы и станете таким мусором. Не то, что дружить, узнать друг друга не сумеем.

Гром неуверенно пролаял:

— А если я хорошо запомню запах, то смогу помочь?

Не знают перекаати-поле, что ответить щенку, а предчувствие печального завершения едва начавшейся дружбы становилось от каждого слова все сильнее.

Дед Степан не слышал этой части разговора, но это ему и не требовалось, чтобы догадаться о причи-

— Ну, приколи нас всех под этим кустом, — попросил Кермек.

не охватившей всех грусти. Но недаром все, кто его знал, уважал за мудрость. То, что всех встревожило, для него не было новостью, и план готов был давно. Он не случайно начал разговор о вероятности расставания братьев навсегда: он их этим готовил к тому, чтобы его план они приняли как идеальное решение всех проблем. Увидел, что сейчас и пришло время высказать свое предложение.

— Носы повесили зря! Неужели до сих пор не поняли, что все проблемы можно решить, если с умом браться за дело? Слушайте и на ус мотайте, — а не на ус, так на веточку, — засмеялся старик. — Птицы правы: ваши прекрасные шары пропадут за зиму. Их главное назначение — посеять семена. Это мы сделаем сами. Достанем семена, зароем их под кустами, спрячем под толстым слоем травы от ветров и морозов.

— Не понял, — перебил его Качим, — а нам все равно гнить?! Где, — в овраге? На мусорной куче вон на том перекрестке?

— Как ты мог подумать такое? В том-то и дело, что у меня есть очень хороший вариант, но ты не дослушал. Я заберу вас с собой, точнее, — ваши шары. Дома я пристрою вас на самом красивом месте, рядом поставлю лампу, чтобы у вас всегда был свет.

Теперь не хватило терпения Синеголовнику:

— Что-то особого отличия от мусорной кучи не увидел.

— Есть! Каждый шар перекасти-поле живет до тех пор, пока из него не высыпятся семена. Мы достанем только часть семян, а другую часть я упакую прямо на веточках в маленькие мешочки для сохранности,

а весной будем доставать одно семечко и сажать его в углу моего двора. Этим мы продлим жизнь каждого из вас. А с теми, кто будут вырастать в Степи или у меня, мы будем дружить.

Гром радостно залаял, выплескивая накопившуюся тревогу. Он привык к мысли, что они везут Качима на родину ради его счастья, но все последние разговоры вызвали уныние. Оказывается, есть выход! И он лаял, лаял, заразив радостью и птиц, и братьев перекаати-поле.

— Сегодня же устроим праздник!

Кто это выкрикнул первым, не заметили, потому что все стали на разные голоса выкрикивать то же самое. Рона и Бышек взвились высоко вверх, и дед Степан залюбовался загадочными петлями, которые будто вырисовывались на фоне розовеющих перед закатом облаков.

Веселье продолжалось еще несколько минут, пока не село солнце. Дед Степан сказал, что пора отправляться домой и низко поклонился до земли, потом медленно и торжественно произнес:

— Спасибо тебе, Степь, за твою красоту, за твою заботу обо всех, живущих на твоих просторах. Кто-то бегают по полю, кто-то забирается в норки, кто-то летает над полем, а иные растут, углубляясь корнями в твою наполненную жизненными соками землю. Спасибо тебе, и за выращенных тобою братьев перекаати-поле. Обещаем тебе, позаботимся о них.

Старик говорил, веря в то, что Степь его понимает. И не ошибся. В этот миг над горизонтом, на фоне успешшего потемнеть неба вспыхнула зарница. Сначала она

полыхнула несколько раз, будто отвечая деду на его слова, а потом всполохи стали светиться дольше, расширяясь над горизонтом.

Долго любовались зарницей. Все правильно поняли: это Степь приветствовала их, радовалась их дружбе и посылала обещания своей помощи.

Что было дальше? О, дальше была жизнь. А это значит, были веселые и грустные дни, разная работа, бывали праздники, были походы в Степь. Да что там говорить, жизнь есть жизнь. Главное, что все наши знакомые жили. И жизнь их была счастливая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Жила-была Степь.....3
2. Братья перекасти-поле отправляются в путь....7
3. Качим впервые в чужих краях..... 14
4. За помощью - к перелетным птицам!.....22
5. Дед Степан обещает помочь Качиму
вернуться на родину.....28
6. Новые приключения накануне отъезда.....39
7. Встреча со степью.....50

Серия «Сказки бабушки Галины»:

Сборник (5 сказок): «Замечательная жизнь и удивительные приключения Дрони, Проглота и их друзей».

Сборник (7 сказок): «Маленькие истории из жизни обитателей Большого Леса и его Опушки»

«Планета Радость»

«Странная история»

«Поверьте, почти все так и было»

«Морские приключения зайчат»

«История большой семьи волка по имени Дядька Ван»

С вопросами и отзывами обращаться на сайт:
skazkiplus.at.ua

Художник: Михалева Светлана

Художнє видання

Репкіна Галина Вікторівна

**ПРЕКРАСНАЯ РОДИНА КАЧИМА,
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ**

**(Сказка для детей младшего школьного возраста)
(російською мовою)**

Технічний редактор – М.Є. Куценко

Художник: Михалева Светлана

**Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи
ДК № 1692 від 17.02.2004.**

**Здано на виробництво 08.10.12. Підписано до друку 22.10.12. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Друк RIZO. Гарнітура SchoolBookC. Ум. друк. арк. 3,72.
Зам. № 10/02.**

**Видавець: СПД Резніков В.С.
91055, м. Луганськ, вул. Луначарського, 58.
Тел.: (0642) 52-50-67, 71-76-93.
e-mail: r_vlad@ukr.net.**

Другие произведения Галины Репкиной

Из цикла «Сказки Бабушки Галины»

Сборник «Маленькие истории из жизни обитателей Большого Леса и его Опушки»:

- «Веселая семейка»
- «Пожар в муравейнике»
- «Игры Рыжего Волка»
- «Лесная школа выживания»
- «Заячья охота»
- «Сказка-задача»
- «Счастье Птицы Феникс»

Сборник «Замечательная жизнь и удивительные приключения Дрони, Проглота и их друзей»:

- «Поход против Дракона»
- «Необычные события на Опушке леса обычной осенью»
- «Подарки Деда Мороза»
- «Большая спасательная экспедиция»
- «Дела, заботы и праздники Бабы Яги»

Сборник «Легенды Большого Леса»:

- «Счастье Птицы Феникс»
- «Лесная школа Рыжего волка»
- «История большой семьи Волка по имени Дядька Ван»

Отдельными изданиями вышли:

- «Планета Радость»
- «История большой семьи Волка по имени Дядька Ван»
- «Морские приключения Зайчат»
- «Странная история»
- «Прекрасная родина Качима-Перекаати-Поле»
- «Поверьте, почти всё так и было»

Цикл рассказов «Заметки психолога»:

- «Взрослые в мире детей»
- «Вспомнить ради добра и радости»

РЕПКИНА Галина Викторовна (1932-2017) - доцент, кандидат психологических наук, имела свыше 70 научных публикаций по психологии; литературных публикаций — 9 книг из серии «Сказки бабушки Галины» и две книги из серии «Заметки психолога», работала в разные годы учителем, преподавателем и заведующей кафедрой в Харьковском университете и Харьковском институте искусств, старшим научным сотрудником Военной Академии Министерства ПВО СССР.

Более подробно на сайте www.skazkiplus.at.ua или www.facebook.com/skazkiplus/

Отзывы и предложения направлять по электронной почте: skazkiplus@gmail.com

Уважаемый читатель! Эта книга находится в свободном доступе. Любой желающий может скачивать, копировать или бесплатно распространять её с условием указания авторства, некоммерческого использования и без внесения изменений без соглашения с наследниками. CC Attribution — Noncommercial — No Derivative Works (сокращённо CC BY-NC-ND) Лицензия «С указанием авторства — Некоммерческая — Без производных»

Если вдруг у вас возникнет непреодолимое желание в качестве благодарности перевести некоторую сумму наследникам Галины Викторовны Репкиной, это можно сделать через PayPal на емейл oukleine@gmail.com с пометкой «Книги Г.Репкиной».

Если Вы издатель и хотите сделать бумажную версию книги на коммерческой основе, пишите по емейлу skazkiplus@gmail.com и мы Вам обязательно ответим. Большое спасибо!

